

§8 ВНЕШНИЕ УГРОЗЫ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ

Карпович О. Г.

ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ СИСТЕМНОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ: УГРОЗЫ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ РОССИИ

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу и систематизации современных научных знаний о природе цветных революций, начиная с так называемых «бархатных революций» в Восточной Европе и заканчивая новейшими цветными революциями «Арабской весны», «революцией белых ленточек» в России, «евромайданом» 2013–2014 гг. в Украине и «революцией зонтиков» 2014 года в Гонконге. Особенное значение автор уделяет рассмотрению возможностей повторения сценария цветной революции в России, анализируя первую попытку Соединенных Штатов дестабилизировать ситуацию в России с помощью протестного движения — так называемую «революцию белых ленточек», которая закончилась в 2012 году для Вашингтона провалом. Методологической основой исследования выступают системный, структурно-функциональный, сравнительно-политический и сравнительно-исторический научные подходы, методы индукции, дедукции, анализа, синтеза, наблюдения. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что риски реализации странами Запада сценария цветной революции в России продолжают нарастать, особенно это заметно на фоне девальвации рубля и нарастающего экономического кризиса. Вместе с тем, результаты исследования свидетельствуют о том, что российская «несистемная оппозиция» в принципе не может стать идейной и организационной движущей силой цветной революции, так как она по своим параметрам не вписывается в базовую англосаксонскую схему и не отвечает требованиям, предъявляемым к лидерам и активистам современных цветных революций.

Ключевые слова: политика, национальная безопасность, США, цветные революции, конфликт, государство, Россия, интересы, ценности, война.

Современные цветные революции — это технологии организации государственных переворотов и принудительного демонтажа политических режимов в условиях искусственно созданной политической нестабильности, в которых давление

на власть осуществляется в форме политического шантажа, а инструментом оказания давления выступает молодежное протестное движение, организованное по специальному сетевому принципу^[1].

Цель любой цветной революции — организация государственного переворота, то есть насильственный захват и удержание власти, и ничто иное.

Довольно часто американцы и другие представители западных либеральных демократий пытаются представить цветные революции как инструмент демократизации отсталых, авторитарных и архаичных обществ, инструмент, позволяющий народу навязывать свою волю правящим элитам (как правило, в представлении американцев, авторитарным, коррумпированным, преступным или «отравленным» коммунистической идеологией), используя для этого метод массовых протестов, практически всегда имеющих в начале любой цветной революции внешне ненасильственный характер. При этом сами цветные революции пытаются представить как стихийный процесс, которым никто не управляет, кроме самого народа, восставшего против своих «притеснителей и угнетателей». В тех же случаях, когда этот тезис отстоять не удается (когда признаки внешнегo вмешательства США во внутренние дела стран, ставших жертвой цветных революций, настолько очевидны, что их не удастся скрыть или замолчать), США стараются выдать технологии цветных революций за инструменты «мягкой силы», которые сейчас набирают все большую популярность во внешней политике мировых лидеров и великих держав. Все это, конечно, не так и очень далеко от истинной природы цветных революций, которые по своей природе являются промышленной (конвейерной) технологией, единственная цель которой — получение конечного продукта в промышленных масштабах, то есть — организация государственного переворота. Для этого класса политических технологий гражданская война или внешняя военная интервенция, в которую нередко перерастает цветная революция, — не цели, а побочный продукт применения «цветной» технологии демонтажа современных политических ре-

жимов. Цветные революции не ставят своей основной задачей погружение страны в пучину гражданской войны или превращение ее в зону вооруженного конфликта; но нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что применение технологий цветных революций создает благоприятные условия для вмешательства других государств во внутренние дела страны, где разворачивается сценарий цветной революции; при этом такое вмешательство может прикрываться легендой, связанной с миротворчеством, проведением гуманитарных интервенций или борьбой с международным терроризмом.

Первая попытка цветной революции в России была организована Соединенными Штатами в 2012 году — на Болотной площади в Москве, из которой американцы попытались сделать русский либерально-националистический майдан. Речь идет о так называемой «революции белых ленточек». Закончилась она для США провалом: политический режим в России устоял. Но определенные уроки из этой попытки цветной революции на российской земле сделали практически все.

Не секрет, что в организации протестного движения «За честные выборы» (одним из руководителей которого был Навальный — человек, прошедший полный курс обучения технологиям организации цветных революций в Центре по распространению демократии при Йельском университете, США) виден почерк режиссеров цветных революций, в котором наблюдаются все ее атрибуты — начиная от символики («белых ленточек») и заканчивая уровнем организации митингов и манифестаций, требующих вложения огромных финансовых средств. И совсем не случайно в Москву новым послом США именно в тот период был назначен Майкл Энтони Макфол, один из режиссеров «оранжевой революции» на Украине. Он, правда, с самого начала допустил несколько стратегических просчетов, связанных с его схематичным знанием современной России и привычкой воспринимать Россию как государство, «застрявшее в 1990-х», то есть совершенно не изменившееся со времен правления Б. Н. Ельцина.

В целом, сценарий «революции белых ленточек» полностью соответствует клас-

сическим сценариям цветных революций в Восточной Европе и на постсоветском пространстве, за исключением одной детали: этот сценарий — усеченный, рассчитанный скорее на демонстрацию мощи, чем на реальный результат (смену режима). На это указывают прежде всего объемы финансирования. Которые были выделены Госдепом США на организацию цветной революции в России: один из лидеров оппозиционеров, приехавший в 2012 году на Селигер и отрицавший какое-либо участие США в событиях на Болотной площади, после того, как автор данной статьи его припер аргументами, в панике проговорился, что сумма, выделенная США на организацию «белых ленточек», была чуть больше чем сумма, потраченная на «революцию роз» в Грузии. Эта сумма конечно достаточна для Грузии или Украины, но ничтожно мала для России, в которой цветная революция только тогда будет иметь успех, если мятеж одновременно вспыхнет в двух десятках крупнейших городов и региональных центров. Все это указывает на то, что основная задача была — поугубить российскую власть и заставить ее полностью погрузиться во внутренние проблемы, на время перестав следить за международной обстановкой. Точно такой же ход США повторили в 2014 году, организовав цветную революцию «зонтиков» в Гонконге и послав тем самым китайскому руководству четкое и недвусмысленное предупреждение, сопряженное с очевидной понятной скрытой угрозой.

По сути, все это делалось с одной целью: если Россия будет занята собственными проблемами, ей на определенное время будет не до Ирана, в отношении которого США в мае 2012 года собирались проводить военную операцию, для чего и зачищали, начиная с 2011 года, свои стратегические тылы — Арабский Восток (Тунис, Египет, Ливию, Сирию и др. страны ближневосточного региона), устроив там волну цветных революций так называемой «Арабской весны». По мнению американских стратегов, времени, в течение которого внимание России будет полностью отвлечено на противодействие цветной революции внутри своей собственной страны, американцам должно было бы хватить для начала и завершения наземной операции против ИРИ.

Надобность в «революции белых ленточек» у США пропала после того, как стало ясно, что наземная операция против Ирана откладывается на неопределенный срок — виной тому оказалась Сирия, с которой не удалось разобраться также быстро как с Ливией. После этого «революцию» в России по команде из Вашингтона свернули — американцы прагматично решили, что больше на нее тратить деньги не стоит. Вместе с тем, в значительной мере на решение свернуть цветную революцию в России повлияло и то, что деньги, отпущенные Государственным департаментом США и Разведывательным сообществом Соединенных Штатов на организацию молодежного протестного движения в России, переданные через посольскую резидентуру так называемым (существующим только в понимании американских политиков из Государственного департамента США) «лидерам российской либеральной оппозиции», были этими «лидерами» частично присвоены, частично растрочены на собственные нужды, не имеющие никакого отношения к организации массовых протестов, и попросту растворились, не произведя никакого организующего эффекта. Именно с этим и столкнулся М. Э. Макфол, когда он приехал в Москву сразу после событий на Болотной площади, носивших скромный характер и закончившихся полным провалом незадолго до приезда нового посла США в РФ. Между тем сумма, ассигнованная госдепом на первоначальную дестабилизацию внутривосточной ситуации в России и на создание сетевого протестного движения, была не настолько незначительной, как кажется: бюджет первого этапа «революции белых ленточек» был примерно равен бюджету всей цветной «революции роз» в Грузии. Конечно, этих денег ни за что бы не хватило даже на то, чтобы слегка расшатать политический режим: Россия — огромная страна, на практическую реализацию сценария цветной революции США должны затратить сотни бюджетов цветной революции в Грузии или тысячи бюджетов любой из цветных революций в Центральной Азии, это очевидно. Тем не менее, потеря этих денег выявила целый ряд системных просчетов, которые допустило руководство США при

планировании и последующем практическом воплощении цветной революции в России, пусть даже в «усеченной» (сигнально-имитационной) версии.

Эпоха цветных революций в современном понимании этого термина началась в 2000 г. на площадях югославского Белграда. Всего через три года они перекинулись на постсоветское пространство — в ноябре 2003 г. в Грузии произошла «революция роз». В последующие полтора года в результате развития протестного движения, мобилизации оппозиционных сил и неправительственных структур, реализации инновационных предвыборных технологий и методов внешне «ненасильственной» смены власти, а также активного вмешательства извне еще в двух бывших республиках СССР — Украине и Киргизии — также произошла смена политических режимов. Затем этот процесс приостановился, однако в начале второго десятилетия XXI века подобные «революции», уже с использованием обновленных методик, вновь произошли сразу в нескольких странах Северной Африки и Ближнего Востока, получив название Арабской Весны, а затем вернулись в центр Восточной Европы — Украину. Более того, магистральной тенденцией последних лет стала радикализация этого явления, превращение изначально ненасильственных (по крайней мере, формально) «цветных революций» в вооруженные государственные перевороты и кровопролитные гражданские войны, за которыми зачастую следовало военно-силовое вмешательство внешних акторов [2].

На постсоветском пространстве — регионе, имеющем ключевое значение для России, — цветные революции произошли в 2003–2005 гг. в Грузии, Украине и Киргизии. Во всех случаях формальным поводом к массовым протестам и последующей смене режима послужили обвинения правящих режимов в электоральных манипуляциях на общенациональных выборах.

Как и любое геополитическое явление, «цветные революции» имеют достаточно сложный и многомерный характер, обладая при этом набором определенных характерных признаков. В первую очередь, стоит остановиться на причинах и предпосылках этих

«революций» (термин берется в кавычки, так как между цветными революциями начала XXI века и «классическими» революциями Нового времени лежит настоящая пропасть), как объективных, так и субъективных.

Одной из основных причин возникновения протестного движения в Грузии, Украине и Киргизии стали социально-экономические проблемы. После крушения СССР население этих стран оказалось в положении наиболее проигравших из бывших союзных республик по итогам постсоветского развития. Грузия и Украина потеряли роль экономических лидеров, которая имела у них в Советском Союзе, а Киргизия в Центральной Азии едва ли не сравнялась по экономическому развитию с разрушенным гражданской войной Таджикистаном. Но начиная с 2000 г. Грузия, Украина и Киргизия стали демонстрировать определенный экономический рост, что, в свою очередь, качественно поменяло массовые настроения в этих странах, особенно в среде появившегося среднего класса и молодежи.

Социально-экономические сдвиги оказали серьезное воздействие на характер взаимоотношений в рамках социальной иерархии Грузии, Украины и Киргизии. Такие общественные группы, как политическая элита, приближенный к власти крупный бизнес, бюрократия демонстрировали стремительный рост своего благополучия. Но учителя, врачи, ученые, различные специалисты, все те, кто обладал высокой образовательной статусной позицией, не могли в материальном плане соответствовать высокому уровню жизни, доступному чиновникам и крупным бизнесменам. Сразу в нескольких социальных группах (мелкий и средний бизнес, молодежь, пенсионеры) начали тлеть очаги жгучего недовольства по отношению к правящему режиму. В отсутствие воли к преобразованиям и богатых природных ресурсов у правящей политической элиты не оказалось достаточно возможностей для умиротворения недовольства данных групп населения, вознаграждения сторонников и нейтрализации оппозиции. В этих условиях стало давать трещину единство элит, что в итоге явилось одной из важнейших предпосылок для победы «цветных революций».

Если говорить о политических причинах и предпосылках «цветных революций» в Грузии, Украине и Киргизии, то главной из них, пожалуй, стала нестабильность политических систем этих государств. К началу нового тысячелетия Э. Шеварднадзе, Л. Кучма и А. Акаев выстроили систему, которая обеспечивала контроль над политической жизнью страны. Но в каждой стране были свои специфические проблемы. Власть во всех трех случаях концентрировалась в руках президента, а формальные полномочия дополнялись неформальной системой патрон-клиентских отношений. Когда же их правление начало подходить к концу, выяснилось, что стабильность режимов оказалась мнимой и целиком зависимой от состояния президентской власти. В итоге процесс передачи власти обернулся серьезной проблемой для всей политической системы, а в условиях выборов, сопровождавшихся электоральными манипуляциями, низкая популярность лидеров Грузии, Украины и Киргизии привела к общественному взрыву.

Среди других причин, приведших к «цветным революциям», следует назвать отсутствие общей идеологии и регионализм. В Украине цивилизационный раскол выражался в противостоянии между Востоком и Западом; в Киргизии — между Севером и Югом; в Грузии — в утрате контроля над целым рядом территорий. Следствием сильного регионализма в этих странах стала фрагментация элит, существование клановых групп и противоречий между ними. Все это создавало возможности для формирования оппозиции, а в отсутствии скрепляющей общество единой государственной идеологии и национальной идеи — и для ее победы.

Перечисленные выше проблемы в трех странах, однако, не могли сами по себе привести к созданию «революционной» ситуации. Для перехода общественного недовольства в критическую фазу был необходим внешний фактор. И таким фактором выступили технологии «мягкой силы» США и Европейского Союза. Речь идет о появлении и распространении из-за рубежа программ по продвижению демократии. Импортированные из-за рубежа программы поддержки и развития демократии, реализуемые в основном ино-

странными и местными неправительственными организациями, обеспечивали оппозиции поддержку в областях, где она была достаточно слаба: электоральный мониторинг, развитие оппозиционных СМИ, мобилизационные возможности для протестов и т.д. При этом, обличавшие правящие режимы и пропагандировавшие стандартный набор ценностей либеральной демократии (свобода личности, свобода прессы, свобода политической деятельности, свободные равные выборы и т.д.) неправительственные организации при поддержке с Запада появились и развернули активную деятельность в Грузии, Украине и Киргизии еще задолго до «революций».

Активность НПО на территории Украины, например, всегда основывалась на мощной финансовой поддержке со стороны западных стран, в первую очередь США, и держалась на пике с момента распада Советского Союза до победы «оранжевой революции». За эти годы с американской помощью было реализовано почти тысяча проектов на сумму 3 млрд. долларов. Особое значение уделялось работе с молодежью. После 2004 г. эта деятельность, разумеется, была продолжена [2].

Характерно, что программы по продвижению демократии (включая различные социальные, культурные, образовательные и научные проекты) накануне «цветных революций» во всех трех странах проводили и финансировали одни те же организации: Агентство США по международному развитию, «Фридом Хаус», Корпус мира, Национальный фонд в поддержку демократии, Международный республиканский институт, Национальный демократический институт по международным делам, Институт «Открытое общество» Дж. Сороса, Международная лига по правам человека, Международная Хельсинкская федерация, Международная антикризисная группа и ряд других. Более того, одни и те же активисты-инструкторы переезжали из страны в страну, весьма эффективно подготавливая почву для очередной трансформации режима.

Помимо гуманитарной деятельности сторонники скорейшей демократизации Грузии, Украины и Киргизии энергично критиковали коррупцию, клановый характер власти,

попытки сохранить власть после истечения законом отведенных сроков и т.п. Важно, что помимо непосредственно критики существовавшей системы государственного управления этот дискурс способствовал и выдвижению новых оппозиционных лидеров. Подобные дискуссии играли существенную роль в политизации общественного недовольства и, как следствие, мобилизовали протестный электорат, выплеснув в итоге его на улицы грузинских, украинских и киргизских городов.

В ходе осуществления «цветных революций» был использован целый арсенал «революционных» политтехнологий, т.е. технологий из области «мягкой силы», в той или иной мере ранее уже опробованных в других государствах.

В первую очередь, следует сказать о ненасильственном характере «цветных революций». Различные общественные организации и СМИ, финансируемые Западом, активно способствовали внедрению идеи «о недопустимости насилия» со стороны правоохранительных органов и силовых структур по отношению к безоружным демонстрантам или митингующим, чем фактически лишали действующую власть рычагов влияния на складывающуюся ситуацию. Претендующая на власть оппозиция, почти буквально следуя инструкциям автора идеолога ненасильственной смены власти Дж. Шарпа, сознательно и принципиально придерживалась мирной тактики. Наиболее известным эпизодом всех трех революций (собственно, почему они и называются «цветными») стала демонстрация ненасильственного характера в виде дарения цветов милиционерам и солдатам внутренних войск, стоявших в оцеплении на митингах оппозиции. Благодаря такой тактике протестующих авторитарные лидеры опасались использовать армию или службы безопасности, чтобы подавить протест, лишая тем самым себя важнейшего (и, заметим, вполне легального) рычага давления на протестующих.

Экспрессивный и молниеносный характер — еще одна особенность «цветных революций». Все этапы «революционной» борьбы прошли в предельно сжатом, ускоренном режиме с использованием новых возможностей постиндустриального и информацион-

ного общества, включая преимущества сетевых структур, манипуляцию общественным сознанием посредством мировых СМИ и т.п. По сути, и в Грузии, и в Украине, и в Киргизии «революция» состоялась в течение одного месяца. Причем характерно, что все «цветные революции» произошло после выборов и решающую роль в начале «революционного» процесса сыграло голосование в столицах этих государств, т.е. голосование активной части населения Тбилиси, Киева и Бишкека. Очень большую роль в этом сыграли созданные незадолго до выборов молодежные организации, представлявшие наиболее мобильную часть населения.

Немаловажной составляющей «цветных революций» стала кампания неповиновения власти, которая заключалась в организации массированного давления на органы исполнительной власти на различных ее уровнях. Формы такого давления были различны: митинги и забастовки всех видов, голодовки, блокирование информационных линий и транспортных коммуникаций, снятие указателей госучреждений, бойкот выборов, отказ от уплаты налогов, отказ от должности и работы с правительством и даже демонстративный отказ от выполнения супружеских обязанностей.

С кампанией неповиновения была тесно связана тактика парализации работы органов государственной власти, что вылилось в пикетирование и блокирование митингующими зданий исполнительной, законодательной и судебной власти. В итоге вопросы о форме общения с оппозицией для государственных служащих стали более важными, чем выполнение основных задач государства. Убеждение властей в «недемократичности» применения мер принуждения ради сохранения элементарного порядка и безопасности фактически привело к добровольному отказу государства от права и обязанности на легитимное насилие. Важным элементом стало использование фактора переговоров, целью которых стало, с одной стороны, создание видимости готовности лидеров демонстрантов пойти на компромисс и диалог с властью, а с другой — и это главное — выигрывалось время, необходимое для продолжения дестабилизирующих действий.

Практически беспроигрышной тактикой оппозиционеров стало провоцирование силовых структур на насилие. Провозглашая мирный характер манифестаций и наращивая одновременно с этим «мягкое давление» на власть, «революционеры» провоцировали органы правопорядка на применение силы и пытались воспользоваться любым предлогом для выдвижения обвинений в «непропорциональном насилии» режима над собственным народом. По сути, речь шла о провоцировании правоохранительных органов на применение против активистов, в первую очередь из молодежных оппозиционных движений, силовых приемов, которые средствами дружественной прессы моментально получали широкий резонанс как неопровержимое доказательство преступных действий властей. При этом, несмотря на настойчивое подчеркивание их «ненасильственного характера», в реальности все обстояло гораздо сложнее, потому что такие приемы, как «захват земель ненасильственными методами», «снятие одежды догола в знак протеста», «грубые жесты», «насмешки над должностными лицами», «демонстративные похороны», «политический траур», «насмешки над выборами», «ненасильственное преследование», не говоря уже о «возведении баррикад» и «уничтожении частной собственности» вряд ли можно считать инструментами ненасильственного и мирного протеста ^[2].

Еще одна черта «цветных революций» — создание территориального анклава и ненасильственная оккупация территории. Она подразумевала формирование области (или областей) внутри страны, где местные власти и влиятельные слои населения обеспечивали оппозиционному кандидату (или партии) безусловную поддержку. В дальнейшем она становилась плацдармом для объявления и расширения власти протестного движения и их лидеров. Это могла быть как центральная площадь в центре столицы, (например, майдан Незалежности в Киеве), так и отдельные регионы страны, или и то, и другое.

Большое значение в ходе цветных революций оппозиционерами уделялось созданию благоприятного информационного поля: поддержке оппозиционных СМИ (чаще всего

финансируемых из-за рубежа), формированию их имиджа как независимых и беспристрастных. Исключительно важной в этой связи стала работа с неправительственными аналитическими центрами и центрами социальных исследований, способствовавшая достижению необходимого информационного эффекта. Одновременно происходила глубокая проработка методологической базы протестного движения, уделялось большое внимание вопросам подготовки к массовым выступлениям. Активно циркулировали материалы, содержание которых позволяло участникам выступлений получить информацию о том, какие методы следует использовать, а каких избегать (в их основу были положены пресловутые 198 методов ненасильственных действий Дж. Шарпа). В период, предшествующий выступлениям, развертывалась активная кампания, направленная на культивацию сопутствующих информационных поводов. Стимулировался рост недоверия к государственной власти и выборной системе. Информация такого рода сопровождалась заявлениями заинтересованных лиц, либо неправительственных организаций, имеющих определенный авторитет.

Одним из самых эффективных приемов цветных революций стало использование технологии «политического спектакля», т.е. создания обстановки максимально «грязных» выборов с целью формирования всеобщего ощущения их фальсификации или несправедливости, что вело к делигитимизации выборов. Причем подготовка к этому начиналась задолго до самих выборов. После же достижения некоторой критической величины «фальсификаций» на самих выборах, которую могла спровоцировать любая из сторон, исход голосования уже не поддавался надежному выяснению, и разрешение возникшего конфликта выносилось на улицу. Оппозиция, как правило, апеллировала к данным экзит-поллов, проводившихся близкими к ней социологическими службами в день выборов. Разумеется, их результаты однозначно говорили о победе оппозиционного лидера, что совершенно не совпадало с данными официальных избирательных комиссий. В практическом плане это лишало любого из избранных кандидатов

легитимности, а сама функция легитимизации возлагалась на какую-либо стороннюю инстанцию, иначе говоря, превращалась в вопрос внешнего признания результатов выборов. Одной из форм продолжения подобной деятельности, как показала практика, могло стать непризнание итогов голосования с активизацией выступлений оппозиции, увеличением числа митингующих, а также одновременным объявлением того, какой результат выборов будет признан законным.

Типичным элементом «цветных революций» стало разжигание агрессивной этничности. Оно имело целью сплочение наиболее радикальных социальных групп на основе этнической или национальной принадлежности, а также придание им статуса «локомотива» революционного движения. В Грузии и Украине (особенно на Западе страны) отличительной особенностью подобных движений была их антироссийская направленность. При этом ядром актива для уличных акций подчас становились именно молодежные националистические движения, а в руководстве оппозиции тон, как правило, задавали либеральные политики, также не чуждающиеся национализма.

С технологией разжигания агрессивной этничности был связан и другой основополагающий механизм «цветных революций» — воздействие на чувства и эмоции. Он основывался на известном в психологии принципе ценностно-символического противопоставления («мы и они») и заключался в переносе политического смысла на чисто моральные категории, близкие и понятные обычному человеку, — справедливость, свобода, верность, борьба добра со злом, вера в светлое будущее. Придание «революционной» патетике героико-романтического и патриотического ореола способствовало эффекту «эпидемии чувств», что приводило в итоге к многократному увеличению числа сторонников движения.

Формирование символа протестного движения также имело важное психологическое значение, одновременно выступая средством общения и идентификации единомышленников. В Грузии это была красная роза, в Украине — оранжевый цвет, в Киргизии — тюльпан. Для быстрого и максимально широкого охвата населения в технологиях «цветных револю-

ций» активно использовались демонстрации элементарного цветового или графического знака (например, сжатый кулак в круге) или зрелища: шествия, флэш-мобы, «кольца», разного рода акции, транслируемые на оппозиционных каналах телевидения или в социальных сетях. Большое значение имело также задействование фактора цвета, который являлся принципиальным рычагом мобилизации протестного движения. Так, оранжевый цвет сыграл колоссальную роль в победе украинской «революции»; красный цвет роз в Грузии также не был случайным выбором. Вообще, проработка геральдической составляющей была выполнена на достаточно высоком уровне. В разрабатываемых логотипах большое внимание уделялось историческому и политическому контексту, подчеркивались национальные, либо наднациональные символы. Не вызывает сомнения, что над выбором цветов и символов оппозиции активно работали психологи и другие специалисты по нейролингвистическому программированию.

Зачастую человек, возглавлявший цветную революцию, сам становился и ее символом. Причем отнюдь не случайно во главе всех «цветных революций» оказались некогда высокопоставленные чиновники, попавшие в опалу и перешедшие в оппозицию к действующей власти. М. Саакашвили в Грузии, В. Ющенко (а затем А. Яценюк и др.) в Украине, К. Бакиев в Киргизии не являлись уличными политиками «из низов». Напротив, на момент «революций» они были узнаваемыми персонами, имели поддержку со стороны западных истеблишмента и общественного мнения, сохраняли прочные связи с политическим классом страны, что давало дополнительные возможности для раскола правящей элиты. Кроме того, среди лидеров «революции» неизменно оказывалась харизматичная женщина — Н. Бурджанадзе в Грузии, Ю. Тимошенко в Украине, Р. Отунбаева в Киргизии. Характерно и наличие в семье одного из лидеров «революции» гражданина дальнего зарубежья: супругой Саакашвили была гражданка Нидерландов С. Рулофс, а супругой Ющенко — гражданка США К. Чумаченко.

Наконец, общим правилом всех «цветных революций» являлось закрепление сте-

реотипов, т.е. внедрение в массовое сознание нескольких простых образов. Вся информационная и пропагандистская деятельность лидеров оппозиции сводилась к обличению противника, причем к обличению его человеческих и «общедемократических» пороков: «попирает свободу», «поощряет несправедливость», «лжет народу», «служит вражеским силам» и т.д. Вместе с тем, подобному и скрупулезному изложению собственной программы социально-экономических и политических преобразований в случае прихода к власти «революционеры» уделяли значительно меньше внимания. Уклоняясь от изложения конкретной позиции, оппозиционные политики использовали туманные фразы и метафоры, сознательно или неосознанно подменяли цель планируемых «революционных» преобразований абстрактным политическим мифом. Для Грузии и Украины, например, одним из таких основополагающих мифов стало скорейшее вхождение стран в евроатлантическую структуру — НАТО и ЕС.

Существует целый ряд крупных факторов, способствующих победе цветных революций в начале XXI века. В первую очередь, надо отметить объективную слабость политических режимов Грузии, Украины и Киргизии. Масса нерешенных социально-экономических проблем, общественно-политическое брожение и, особенно, отсутствие решительного и твердого, уверенного в себе и своем окружении лидера стали, пожалуй, ключевым моментом в победе оппозиции. Цветные революции происходили в условиях ненасильственного перехвата власти у того правительства, которое не решалось воспользоваться собственным правом на легитимное насилие против протестующих. Начавшийся в этих условиях раскол элит, переход наиболее активной их части в оппозицию действующей власти вкупе с пассивной реакцией силовых структур стали важнейшими составляющими успеха цветных революций. Воспользовались «революционеры» и стремлением официальных властей к соблюдению демократических ценностей, в частности, свободы слова и собраний. Наконец, «цветные революции» произошли в условиях несбалансированных политических систем. В Грузии, Украине

и Киргизии наблюдался сильный перекоп в сторону президентской власти. Несмотря на то, что именно этот перекоп полномочий в сторону президента был заявлен как гарантия стабильности, в момент потери влияния президентом стабильность политической системы разрушалась.

Едва ли не решающее значение в победе цветных революций имела позиция силовых ведомств. То, что Шеварднадзе, Кучма и Акаев не использовали силовые структуры против оппозиционных масс и их лидеров свидетельствует о том, что они либо не хотели их использовать, либо сомневались в их лояльности. Со своей стороны оппозиция заранее вела активный и целенаправленный поиск сторонников перемен именно в органах внутренних дел и государственной безопасности, весьма преуспев на этом направлении. Ни внутренние войска, ни армия, ни спецслужбы не выступили в защиту действующей власти против «народа», предопределив падение режимов. Характерно, что, уже начиная с «бульдозерной революции» в Сербии в 2000 г., именно спецслужбы первыми среди силовых структур заявляли о том, что не допустят применения силы против оппозиции.

Важным фактором победы «цветных революций» стало объединение разрозненной оппозиции и ее мобилизация на борьбу с режимом^[2, с. 41]. Организаторами и технологами «революций» в Грузии, Украине и Киргизии, так же как в свое время в Сербии, а затем снова в Украине, была сделана ставка на укрепление блока как можно большего числа оппозиционных партий и создание единого фронта оппозиции. Политические силы, противопоставлявшие себя государственной власти, формировали основанные на взаимной поддержке альянсы, а интересы тактического характера отодвигались до момента завершения активной фазы акции. Также в определенный — и очень нужный — момент в стане оппозиции появлялась фигура харизматичного лидера — выходца из действующей власти, имевшего большой опыт и обширные политические и экономические связи внутри провластной элиты и за рубежом.

Критичной для успеха цветных революций оказалась возможность оппозиции мо-

близовать значительное количество людей для протестов против фальсификации результатов выборов. Решающую роль в этом процессе сыграли сформированные незадолго до выборов оппозиционные молодежные структуры — «Кмара» в Грузии, «Пора» в Украине, «Кел-Кел» и «Бирге» в Киргизии (лекалом для которых служил сербский «Отпор») — «полевые отряды революции», помогавшие проводить мобилизацию и решать столь необходимые «революционерам» логистические задачи, особенно на начальном этапе протестов.

В Грузии в ходе «революции роз» активисты «Кмары» заранее наладили тесные контакты с оригинальной версией самих себя — сербским «Отпором», который принял активное участие в подготовке лидеров грузинского молодежного движения и тренингах по проведению манифестаций. Члены «Кмары» еще летом 2003 г. обучались методам «ненасильственного гражданского сопротивления» в специальных лагерях на территории Сербии. Идя по стопам «Отпора», активисты «Кмары» заняли ключевую роль в организации уличных протестов, демонстраций, забастовок, голодовок и других описанных еще Дж. Шарпом акций ненасильственной борьбы.

А через год, в 2004 г., уже сами молодые грузинские оппозиционеры делились опытом с украинскими «коллегами» из «Поры» — наиболее заметной молодежной организацией, которая стала проводником западных идей и ценностей в среде украинской молодежи накануне и в ходе «оранжевой революции». Благодаря своей гибкой структуре, большому количеству вовлеченных волонтеров, широкому охвату населения во всех регионах Украины, умелому взаимодействию с различными неправительственными организациями и солидной материально-технической базе «Поре» удавалось всегда оказываться на шаг впереди упреждающих действий властей и, в конечном итоге, с успехом справиться с возложенной на нее задачей — всеми путями содействовать победе «оранжевой революции».

Едва ли не ключевую роль в победе цветных революций сыграл внешний фактор, ко-

торый выразился в мощной и разносторонней поддержке оппозиции со стороны западных стран, в первую очередь США и Европейского Союза. На внешнеполитической арене западные союзники (или кураторы) оппозиции присваивали и активно использовали статус верховного арбитра в споре между официальными властями и протестным движением. Разумеется, итоговый вердикт трактовался не в пользу режимов Шеварднадзе, Кучмы и Акаева — западные столицы объявляли легитимными действия оппозиции, даже если ее представители нарушали закон. Соответственно, действия власти по своей защите в глазах мирового общественного мнения априори оказывались нелегитимными.

Важнейшим элементом внешнего воздействия на развитие общественно-политических процессов, в итоге приведших к «цветным революциям», стала и реализация западных программ продвижения демократии в этих странах. Лидерами в этом процессе, как говорилось выше, выступили американские правительственные агентства и неправительственные организации, а также их европейские коллеги. В основном поддержка выражалась в массивном финансировании оппозиции. Агентство США по международному развитию, например, только по ее официальным данным потратило на «продвижение демократии» в Грузии — 91 млн. долл., в Украине — 213 млн. долл., в Киргизии — 68 млн. долл. Цифры, конечно, не астрономические, но не следует забывать, что материальные затраты минимизировались за счет грамотного и эффективного использования механизмов «мягкой силы».

Западная помощь оказывалась путем поддержки оппозиционных политических партий и молодежных движений; активно спонсировались «независимые» неправительственные организации, участвующие в политических процессах; проводились тренинги для активистов протестного движения и консультации кандидатов и их доверенных лиц; оказывалась давление на иностранных и международных наблюдателей; демонстрировалась моральная поддержка оппозиционным избирательным комиссиям, СМИ, активным группам гражданского общества и т.д. Особую роль в осу-

шествии «цветных революций» сыграли международные, западные и местные неправительственные организации. Именно НПО снабжали оппозицию новейшими коммуникационными и логистическими технологиями, позволяя обеспечить организованные и слаженные действия по мобилизации и управлением протестами; они же готовили наблюдателей за ходом голосования. Своей многогранной и активной деятельностью подобные сетевые организации охватывали множество людей по всей стране, причем с наименьшими ресурсными затратами. Эффективно используя новейшие политические и информационные технологии, они позволяли аккумулировать в своих рядах наиболее мобильную и действенную часть населения — молодежь и студенчество, а также преодолевать раздробленность политической оппозиции.

Важным институциональным элементом в итоговой победе оппозиции в Грузии, Киргизии и Украине было и присутствие финансируемых из-за рубежа средств массовой информации. С их помощью оппозиции удалось донести до людей вести о фальсификации результатов голосования и развитии массовых протестов. В активный период цветных революций роль СМИ была особенно значительной, так как стали существенным препятствием для правящих элит в их попытке подавить протесты и сохранить власть.

Наконец, существенное влияние на победу «цветных революций» оказал «эффект домино» — примеры уже произошедших трансформаций режимов. Показательной для всех цветных революций на постсоветском пространстве стала «бульдозерная революция» в Сербии в 2000 г., на примере которой оппозиция получила образец успешных действий и веру в свою конечную победу. Украинские оппозиционеры в 2004 г. имели близкий пример «революции роз» в Грузии 2003 г., а демонстрационный эффект «оранжевой революции» в Украине был близок во временном плане к протестам в Киргизии 2005 г.

Следует отметить одну характерную для всех трех «революций» тенденцию. Сейчас очевидно, что организаторы и деятели «цветных революций» в Грузии, Украине и Киргизии не ставили своей целью слом старого кор-

рупционного режима ради построения на его месте новой демократической системы и государства «всеобщего благоденствия». Целью оппозиции была всего лишь смена политической элиты, перераспределение властных рычагов и финансовых потоков в свою пользу. Используя народное недовольство и зарубежные политтехнологии для завоевания власти, «цветные» лидеры, по сути, ничего не дали этому народу, а спустя несколько лет и сами канули в политическое небытие, перед этим запустив механизм саморазрушения собственных государств.

После триумфального шествия цветных революций осенью 2003 — весной 2005 гг. казалось, что этой участи не миновать и остальным странам, некогда входившим в состав СССР. Однако «революционное» цунами разбилось о границы Белоруссии, Армении, ряда других стран. Полным провалом закончились попытки организовать цветную революцию в России в 2011–2012 гг. Причиной этому стали уверенные, решительные и легитимные действия правящих элит, которые сумели выстроить относительно эффективную систему государственного управления, основанную на политической и экономической стабильности; обеспечить лояльность силовых структур; наладить диалог с гражданским обществом, молодежными движениями, экспертным сообществом и СМИ; успешно пресечь деятельность иностранных агентов влияния и в целом консолидировать нацию на основе общих морально-духовных ценностей.

Однако уже в 2010–2011 гг. успешный сценарий цветных революций повторился в Северной Африке, где произошла «Арабская весна». Ключевым отличием от событий на постсоветском пространстве стало использование технологий не только «мягкой силы», но и «умной силы», т.е. гораздо более активное применение новейших информационных технологий, в первую очередь, ресурсов социальных сетей (не случайно, эти перевороты часто называют «твиттерными революциями»), а также элементов «жесткой силы», включающих прямое вооруженное вмешательство во внутренние дела ряда стран со стороны внешних акторов.

В этом плане показательны недавние события на Украине, где второй раз за неполные десять лет была сделана вторая по счету новая попытка провести ненасильственную цветную революцию. Ученые и эксперты, приступающие сегодня к изучению начавшегося в ноябре 2013 г. «Евромайдана», все чаще разделяют эти события на две части. На первом этапе, до середины января 2014 г., были использованы опробованные еще в ходе «оранжевой революции» 2004 г. методы ненасильственной борьбы из арсенала технологий «мягкой силы», которые, впрочем, в этот раз не привели к успеху оппозиции. Когда же эти усилия не дали результата, в ход пошли уже механизмы из области «умной силы», в том числе, с применением насильственных методов, вылившиеся в многочисленные жертвы среди сотрудников правоохранительных органов и протестующих. В итоге изначально мирный протест, цинично названный победившими неонацистами, националистами и радикалами «революцией достоинства», в феврале 2014 г. обернулся кровавым государственным переворотом, который привел к фактическому распаду государства и переходу суверенной страны к режиму внешнего управления; погрузил Украину в состояние социального, политического и экономического хаоса; способствовал началу ожесточенной гражданской войны у западных рубежей Российской Федерации ^[2].

Основной любой цветной революции является специально созданное, организованное и управляемое протестное движение. Мобилизуют и возглавляют его общественные лидеры, которые либо возникают и обретают свой политический образ, стиль и лозунги в ходе самой революции (это мы видим в революциях «Арабской весны»), либо в лидеры новой «цветной» революции избирается (а, точнее, назначается Государственным департаментом США) кто-нибудь из местных оппозиционеров-маргиналов, трезвонящий на каждом углу о демократии, демократических ценностях и о свободном демократическом выборе народа, которого его лишают. Довольно часто эти оппозиционеры не имеют собственной и вообще какой-либо внятной политической программы, а занимаются демагогией и по-

пулизмом. Но и этого для англосаксонских сценаристов цветных революций оказывается достаточно, поскольку они в силу своей психологии и менталитета также смотрят на мир сквозь призму собственных устоявшихся шаблонов и стереотипов, характерных для англосаксонской цивилизации. В случае с «революцией белых ленточек» в России лидерами неореволюционеров Вашингтоном были назначены персонажи, полностью показавшие себя и полностью дискредитировавшие себя в 1990-х годах, в период правления Б. Н. Ельцина — самый сложный период в жизни страны, чуть не стоявший ей самого факта своего существования (страна действительно была на грани распада и все 1990-е годы на этой грани балансировала), но при этом — период, до сих пор воспринимающийся Западом как время, когда в России была выстроена подлинная демократия и либерализм, с его универсальными ценностями и приоритетом международного над законами и национальными интересами страны. Эта иллюзия, судя по всему, за годы правления В. В. Путина превратилась в глазах американских политиков в устойчивый миф, а все политические фигуры, участвовавшие в то время в фактическом развале и уничтожении страны, ее экономической, военной и духовной мощи, стали восприниматься на Западе как истинные и убежденные демократы-западники, которыми они на самом деле никогда не являлись. К этой категории «оппозиционных лидеров» современной России американские политики отнесли такие одиозные и давно «вышедшие в тираж» фигуры как М. «два процента» Касьянова, Б. Немцова, и ряда других.

В представлении американских политиков, и М. Э. Макфолла в том числе, сформировалась и укоренилась мысль о том, что эти «демократы» первой волны до сих пор любимы российским народом, и развернуться им не дает исключительно жесткая и авторитарная власть. Однако, стоит им только бросить клич, как на их призыв отзовутся множество их приверженцев, почитателей и идейных последователей, в душе которых до сих пор не угас свет истинной демократии и либерализма, демократических ценностей, свободы, равенства и братства по се-

вероамерикански (типичные примеры этой свободы можно было в течение всего 2014-го года наблюдать в Фергюсене и Сент-Луисе, а затем и повсеместно в Соединенных Штатах, во всех городах, где прокатились волнения, направленные против расизма, сегрегации и нарушении прав темнокожего населения США белыми представителями господствующего класса). И вот здесь они просчитались: для абсолютного большинства российских граждан страшный период 1990-х годов воспринимается как период торжествующего беззакония, слабости власти, олигархического произвола и разгула бандитизма, а личности тех, кто тогда реально был у власти, но ничего не сделал для того, чтобы изменить жизнь и страну к лучшему — как фигуры, полностью дискредитировавшие себя и тем самым навсегда утратившие доверие сограждан. Американцы рассчитывали на то, что такие люди как Явлинский, Немцов, Касьянов, Каспаров и другие все еще сохранили авторитет внутри страны, и жестоко на этом просчитались. Все эти псевдореволюционеры и не думали свергать режим: их главная цель, помимо личного обогащения на тех валютных траншах, которые одно время сплошным потоком пошли из-за рубежа на «демократизацию» («продвижение демократии») России, заключалась в том, чтобы напомнить власти о себе, подчеркнуть собственную значимость и добиться того, чтобы власть предложила им какой-нибудь пост в существующей вертикали государственного управления, «теплое место» ка-

кого-нибудь губернатора или руководителя федерального агентства, гарантировавшее им возможность безбедного существования и получения значительных теневых доходов, вытекающих из коррупционной составляющей. Ни один из этих так называемых оппозиционеров и не думал бороться за интересы «угнетенного» народа: с самого начала каждый из них боролся только за собственные, личные интересы. И народ это тоже очень отчетливо понял с первых же дней начала событий на Болотной площади, и не пошел за ними, а поддержал действующую власть. Когда это в полной мере стало ясно из самого хода и контекста событий на Болотной площади, стало со всей очевидностью ясно, что американцы серьезно просчитались с выбором лидеров оппозиционного движения в России. Одной из главных причин этого просчета являлось непонимание происходящего сегодня в России, проистекающее из фактического отсутствия в штатах Государственного департамента США хороших специалистов и аналитиков по России: их там действительно практически совсем не осталось, поскольку после окончания Холодной войны и распада Советского Союза эта профессия (профессия россияоведа) утратила свой престиж и чрезвычайно высокий уровень востребованности. Сегодня американцы экстренно пытаются положение со специалистами по России поправить; свои уроки из первого тестового запуска сценария цветной революции в России они уже извлекли. И России надо быть к этому готовой.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Карпович О. Г., Манойло А. В. Цветные революции. Теория и практика демонтажа современных политических режимов. М.: Юнити, 2015. 111 с.
2. Карпович О. Г., Манойло А. В., Наумов А. О. Противодействие технологиям цветных революций в молодежной среде. Учебно-методическое пособие. М. 2015. 91 с.
3. Манойло А. В. Роль цветных революций в демонтаже современных политических режимов // Национальная безопасность / nota bene. — 2014. — 3. — С. 406–414. DOI: 10.7256/2073–8560.2014.3.12058.
4. О. Г. Карпович Особенности позиций российских и американских экспертов по вопросам демократизации Ближнего Востока // Политика и Общество. — 2013. — 5. — С. 563–567. DOI: 10.7256/1812–8696.2013.05.4.
5. Карякин В. В. Социально-политические и этно-конфессиональные угрозы общественной безопасности современной России // Международные отношения. — 2014. — 2. — С. 213–221. DOI: 10.7256/2305–560X.2014.2.11519.

6. Курилкин А. В. Эволюционное развитие психологической борьбы: от пропаганды к психологическим операциям // *Международные отношения*. — 2014. — 3. — С. 472–474. DOI: 10.7256/2305–560X.2014.3.11855.
7. Гушер А. И. Вызовы и угрозы безопасности России // *Мировая политика*. — 2014. — 1. — С. 64–75. DOI: 10.7256/2409–8671.2014.1.10748. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_10748.html
8. Т. П. Петрова Дипломатические отношения между Россией и Перу: современное состояние и динамика развития // *Международные отношения*. — 2012. — 1. — С. 46–53.
9. Петренко А. И. Теоретические основы организации противодействия использованию арсенала сил, средств и методов информационно-психологической войны в политических целях // *Тренды и управление*. — 2014. — 2. — С. 154–167. DOI: 10.7256/2307–9118.2014.2.12412.
10. Бородин Е. Н. Анализ особенностей государственного переворота на Украине // *Международные отношения*. — 2014. — 2. — С. 244–253. DOI: 10.7256/2305–560X.2014.2.11476.
11. Будаев А. В. Основные подходы к использованию «мягкой силы» в интересах реализации внешней политики Российской Федерации // *Тренды и управление*. — 2014. — 2. — С. 175–187. DOI: 10.7256/2307–9118.2014.2.11784.
12. Бородин Е. Н. Территориальный раскол и конфликт элит в Украине // *Тренды и управление*. — 2014. — 1. — С. 51–62. DOI: 10.7256/2307–9118.2014.1.11739.
13. Карпович О. Г. Цветная «революция зонтиков» в Гонконге: начало «Китайской Весны»
14. // *Национальная безопасность / nota bene*. — 2014. — 6. — С. 990–996. DOI: 10.7256/2073–8560.2014.6.13602.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Karpovich O. G., Manoilo A. V. *Tsvetnye revolyutsii. Teoriya i praktika demontazha sovremennykh politicheskikh rezhimov*. М.: Yuniti, 2015. 111 s.
2. Karpovich O. G., Manoilo A. V., Naumov A. O. *Protivodeistvie tekhnologiyam tsvetnykh revolyutsii v molodezhnoi srede. Uchebno-metodicheskoe posobie*. М. 2015. 91 s.
3. Manoilo A. V. Rol» tsvetnykh revolyutsii v demontazhe sovremennykh politicheskikh rezhimov // *Natsional'naya bezopasnost» / nota bene*. — 2014. — 3. — С. 406–414. DOI: 10.7256/2073–8560.2014.3.12058.
4. O. G. Karpovich *Osobennosti pozitsii rossiiskikh i amerikanskikh ekspertov po voprosam demokratizatsii Blizhnego Vostoka* // *Politika i Obshchestvo*. — 2013. — 5. — С. 563–567. DOI: 10.7256/1812–8696.2013.05.4.
5. Karyakin V. V. *Sotsial'no-politicheskie i etno-konfessional'nye ugrozy obshchestvennoi bezopasnosti sovremennoi Rossii* // *Mezhdunarodnye otnosheniya*. — 2014. — 2. — С. 213–221. DOI: 10.7256/2305–560X.2014.2.11519.
6. Kurilkin A. V. *Evolyutsionnoe razvitie psikhologicheskoi bor'by: ot propagandy k psikhologicheskim operatsiyam* // *Mezhdunarodnye otnosheniya*. — 2014. — 3. — С. 472–474. DOI: 10.7256/2305–560X.2014.3.11855.
7. Gusher A. I. *Vyzovy i ugrozy bezopasnosti Rossii* // *Mirovaya politika*. — 2014. — 1. — С. 64–75. DOI: 10.7256/2409–8671.2014.1.10748. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_10748.html
8. T. P. Petrova *Diplomaticheskie otnosheniya mezhdru Rossiei i Peru: sovremennoe sostoyanie i dinamika razvitiya* // *Mezhdunarodnye otnosheniya*. — 2012. — 1. — С. 46–53.
9. Petrenko A. I. *Teoreticheskie osnovy organizatsii protivodeistviya ispol'zovaniyu arsenala sil, sredstv i metodov informatsionno-psikhologicheskoi voyny v politicheskikh tselyakh* // *Trendy i upravlenie*. — 2014. — 2. — С. 154–167. DOI: 10.7256/2307–9118.2014.2.12412.
10. Borodinov E. N. *Analiz osobennostei gosudarstvennogo perevorota na Ukraine* // *Mezhdunarodnye otnosheniya*. — 2014. — 2. — С. 244–253. DOI: 10.7256/2305–560X.2014.2.11476.

11. Budaev A. V. Osnovnye podkhody k ispol'zovaniyu «myagkoi sily» v interesakh realizatsii vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii // Trendy i upravlenie. — 2014. — 2. — С. 175–187. DOI: 10.7256/2307–9118.2014.2.11784.
12. Borodinov E. N. Territorial'nyi raskol i konflikt elit v Ukraine // Trendy i upravlenie. — 2014. — 1. — С. 51–62. DOI: 10.7256/2307–9118.2014.1.11739.
13. Karpovich O. G. Tsvetnaya «revolyutsiya zontikov» v Gonkonge: nachalo «Kitaiskoi Vesny»
14. // Natsional'naya bezopasnost» / nota bene. — 2014. — 6. — С. 990–996. DOI: 10.7256/2073–8560.2014.6.13602.